

У истоковъ спора о Filioque

Въ великомъ дѣлѣ Халкидонскаго собора, 1500-лѣтіе котораго мы недавно праздновали, есть одна сторона, на которую слѣдуетъ обратить вниманіе: это — проявленіе догматическаго единодушія между Востокомъ и Западомъ, достигнутое благодаря знаменитому томосу папы Льва Великаго. Это исповѣданіе, сдѣлавшее возможнымъ достойное возвышеніе авторитета кафедры апостола Петра, вызвавшее со стороны утонченныхъ умовъ Востока преклоненіе передъ упрощеннымъ, но усвоившимъ величайшую тайну христологии западнымъ богословіемъ, является славой Римской Церкви, сумѣвшей тогда объединить вокругъ себя христіанскій міръ.

Но что-же привело впоследствии къ догматическому разрыву?

Въ настоящемъ очеркѣ мы постараемся опредѣлить историческую обстановку и богословскую проблематику, въ которыхъ возникъ споръ объ исхожденіи Св. Духа, составлявшій и составляющій неизбѣжный камень преткновенія между обѣими половинами христіанскаго міра. Всестороннее изученіе этого вопроса можетъ несомнѣнно способствовать нахожденію путей къ его разрѣшенію, помимо накопившихся вѣками пристрастій, но и избѣгая поспѣшныхъ уніональных схемъ, не считающихся съ преданіемъ Церкви.

I. Filioque на Западѣ до VIII-го вѣка.

Распространеніе терминологіи, приближающейся, по крайней мѣрѣ, внѣшне къ ученію о «двойномъ» исхожденіи Св. Духа, связано на Западѣ, какъ и на Востокѣ, съ полемикой противъ аріанства, несторіанства, адопціонизма и вообще ересей, направленныхъ на отрицаніе единосущія Лицъ Св. Троицы или, точнѣе, единосущія Личности Богочеловѣка съ Отцомъ. Утверждая единосущіе, православные настаивали на тѣхъ мѣстахъ Свящ. Писанія, гдѣ указывается на ниспосланіе Духа Сыномъ, на связь Христа съ Утѣшителемъ. При этомъ, вопросъ о различіи вѣчнаго исхожденія Св. Духа и Его временнаго посланія обыкновенно не ставился. Отсюда у нѣкоторыхъ отцовъ, напр., у св. Кирилла Александрійскаго, мы находимъ прямое и безоговорочное утвержденіе о происхожденіи Духа «отъ Отца и Сына» или «отъ Обоихъ», что не мѣшало ему, впрочемъ, и объяснять эти свои выраженія въ смыслѣ временнаго посланія, особенно тогда, когда они вызвали смущеніе у Антиохійцевъ⁽¹⁾.

Но если на Востокѣ эта терминологія окончательно не восторжествовала, то на Западѣ дѣло сложилось иначе. Аріанство долго держа-

лось среди германских народностей — Вестготовъ, — завоевавшихъ сѣверную Африку и Испанію. Аріанскій король Испаніи, Риккаредъ, принялъ православіе только въ 587 году и, въ связи съ этимъ обращеніемъ, нѣсколько мѣстныхъ соборовъ Испанской Церкви утвердило ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, въ противовѣсъ аріанству, и врядь-ли вкладывая въ него весь смыслъ, который впоследствии придало ему католическое богословіе. Здѣсь и было впервые включено въ Никео-Цареградскій символъ слово *Filioque*, и въ этомъ измѣненномъ видѣ онъ распространился въ Испаніи, Галліи и Германіи.

Въ связи съ продолжившейся анти-аріанской полемикой, терминологія, бывшая на Востокѣ характерной для немногихъ отдѣльныхъ богослововъ, стала общепринятой на Западѣ⁽³⁾, тѣмъ болѣе, что здѣсь возникла въ VIII-омъ вѣкѣ новая ересь, адопціонизмъ, также отвергавшая единосушіе Отца и Сына. Не вникая въ подробности, мы можемъ, какъ общее правило, сказать, что остріе древняго латинскаго богословія о Троицѣ всегда направлено въ защиту единосушія, и основная латинская терминологія не отличается отъ терминологіи св. Кирилла, а, слѣдовательно, можетъ быть истолкована въ православномъ смыслѣ.

Однако, особое мѣсто занимаетъ бл. Августинъ. Руководясь все тѣмъ-же анти-аріанскимъ мотивомъ и стремясь объяснить тайну единосушія Лиць, Иппонскій епископъ сооружаетъ новую систему Тріадологіи въ извѣстномъ произведеніи «*De Trinitate*», позволяющей ему выставить въ своихъ полемическихъ трудахъ противъ аріанства (*Contra Maximinum*, проповѣди) новые аргументы въ пользу единосушія⁽³⁾. Въ своей системѣ бл. Августинъ исходитъ изъ предпосылокъ греческой философіи — по существу эссенціалистической — въ отличіе отъ восточныхъ отцевъ, для которыхъ оправнымъ постулатомъ всякаго богословствованія всегда являлась Истина Откровенія, а философскіе термины — только выраженіемъ этой Истины. Современныя попытки католическихъ богослововъ согласовать ученіе бл. Августина съ ученіемъ Каппадокійцевъ остаются неубѣдительными для православныхъ⁽⁴⁾. Какъ извѣстно, основной пунктъ ученія бл. Августина заключается въ системѣ «противоположеній отношенія» между Лицами Св. Троицы, составляющихъ Ихъ различіе въ лонѣ единой Божественной Сущности.

Ученіе бл. Августина, въ силу своей сложности и трудности, долго не оказывало глубокаго вліянія на западное богословіе, которое, если и принимало формулу объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, рѣдко выставляло въ защиту ея аргументы изъ «*De Trinitate*», а просто ссылалось на единосушіе Лиць и придерживалось терминологіи, подсбной той, которую употреблялъ св. Кириллъ Александрійскій. Въ этомъ смыслѣ интересно упомянуть о письмѣ преп. Максима Исповѣдника къ Марину. Преп. Максимъ, жившій долгое время въ Римѣ и опиравшійся на папскій престолъ въ своей борьбѣ съ восточнымъ моноелитствомъ, выступаетъ здѣсь въ качествѣ защитника западнаго ученія объ исхожденіи, которое уже тогда подвергалось нѣкоторымъ нападкамъ со стороны грековъ. «Западные, — пишетъ св. Максимъ, — выдвигаютъ на первое мѣсто словоупотребленіе римскихъ отцевъ, а также Кирилла Александрійскаго въ написанномъ имъ толкованіи на святого еванге-

листа Иоанна. Изъ этого явствуетъ, что они не предлагаютъ Сына въ качествѣ Причины Духа, ибо они знаютъ, что Отецъ есть единая Причина Сына и Духа, Одного черезъ рожденіе, Другого черезъ исхожденіе, но они (придерживаются этихъ выраженій), чтобы показать, что Духъ происходитъ черезъ Сына, и, такимъ образомъ, утвердить неизмѣняемость Существа» (5).

Такимъ образомъ, для св. Максима ясно, что латинское богословіе такъ же православно, какъ и богословіе св. Кирилла, поскольку оно не вводитъ второй причины Божества и признаетъ, что единая Причина — Отецъ.

II. Положеніе въ VIII-мъ вѣкѣ.

Въ VIII-мъ вѣкѣ общее политическое положеніе христіанскаго міра рѣзко измѣнилось съ появленіемъ на Западѣ великой франкской державы, сосредоточившей на себѣ вниманіе Римскихъ папъ и стремившейся подвергнуть ихъ своему вліянію. Ученіе о «двойномъ исхожденіи Св. Духа» было выдвинуто имперіей съ явнымъ уклономъ уже не только анти-аріанской, но и анти-греческой полемики. Вопросъ подымался не разъ и до коронованія Карла Великаго. Король франковъ, Пепинъ Короткій, въ началѣ второй половины VIII-го столѣтія имѣлъ неоднократныя сношенія съ иконоборческимъ Константинопольскимъ дворомъ. Объ этомъ рассказываютъ западныя хроники (6) и упоминаютъ письма папъ, встревоженныхъ этимъ общеніемъ (7). Стремленіе заключить политической союзъ не было единственной темой переговоровъ. Адонъ Вѣнскій рассказываетъ о томъ, какъ «въ 757 году по Воплощеніи Господа былъ собранъ соборъ и, между Греками и Римлянами, былъ обсуждаемъ вопросъ о Троицѣ, и о томъ, исходитъ-ли Св. Духъ, какъ отъ Отца, такъ и отъ Сына, и о святыхъ образахъ» (8). Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что этотъ соборъ собрался въ Гентилиакумъ (Gentilly), и что онъ представлялся современникамъ, какъ крупное событіе, доктринальная встрѣча Восточной и Западной Церквей (9). Мы, къ несчастью, не имѣемъ ни актовъ этого собора, ни болѣе подробныхъ свѣдѣній о немъ. Вѣроятно, представители иконоборцевъ защищали противъ западныхъ традиціонно-восточную точку зрѣнія.

Но эти первыя стычки явились только предвѣстницами большого столкновенія между обѣими Церквями, которое произошло въ связи съ появленіемъ на Западѣ теократической имперіи Карла Великаго. Объ идеологии и устройствѣ каролингскаго государства имѣется не мало изслѣдованій (10). Несомнѣнно, что основные принципы государственно-церковнаго устройства были восприняты изъ Византіи, но и значительно измѣнены, въ частности, въ томъ, что касается отношеній Церкви и Государства. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно прочесть вступленіе въ знаменитыя «Каролиновы книги», направленные Карломъ въ Римъ въ качествѣ опроверженія постановленій Второго Никейскаго собора. Церковь, по словамъ императора, «nobis in hujus saeculi procellosis fluctibus ad regendum commissa est» (11). Такимъ образомъ, Карлъ мыслилъ себя управителемъ Церкви «по божественному праву». Онъ пишетъ папѣ Льву III о взаимоотношеніяхъ императора и

папы въ лонѣ единого церковно-государственнаго цѣлаго, каковымъ онъ мыслить имперію: «*Nostrum est... sanctam ubique Christi ecclesiam ab incursu paganorum et ab infidelium invasione armis defendere, foris et intus catholicae fidei agnitione munire. Vestrum est... elevatis ad Deum cum Moysse manibus nostram adjuvare militiam*» (12). Такимъ образомъ, императоръ является не только защитникомъ Церкви отъ внѣшнихъ враговъ, но и хранителемъ католической вѣры извнѣ и изнутри. Роль папы ограничивается молитвой за успѣхи царскаго оружія. Въ Византіи союзъ Церкви и Государства не допускалъ въ принципѣ, ничего подобнаго. Въ частности, діархія царя и патріарха предполагала, что хранителемъ догматической истины является Константинопольскій Патріархъ (13). Несомнѣнно, что представленія Карла о роли императора въ Церкви были значительно ближе къ «цезарепапизму», нежели въ обычной византійской схемѣ. Правда, какъ разъ въ VIII-мъ вѣкѣ эта схема грубо нарушалась иконоборцами: императоръ Левъ Исаврянинъ впервые выразилъ и попытался осуществить въ Византіи теорію настоящаго цезарепапизма, и возможно, что онъ и является подлиннымъ вдохновителемъ Карла Великаго (14).

Возникновеніе на Западѣ христіанской имперіи, мнившей себя, какъ и Византія, основанной на полнотѣ Православія, охраняемаго всесильнымъ императоромъ, помазанникомъ Божиимъ, конкурирующей съ законными преемниками Римскихъ Августовъ, находящимися въ Константинополѣ, сыграло огромную роль въ исторіи раздѣленія Церквей и, въ частности въ утвержденіи на Западѣ ученія о «*Filioque*».

Послѣ неудачныхъ попытокъ переговоровъ о мирѣ и сотрудничествѣ, Карлъ вступилъ въ 80-хъ годахъ VIII-го столѣтія на путь политической конкуренціи съ Византіей. Въ 787-омъ году окончательно прекратились переговоры о предполагавшемся бракѣ между дочерью Карла, Ротрудой, и молодымъ императоромъ Константиномъ VI-ымъ, сыномъ Ирины (15), что прекратило бы раздѣленіе христіанскаго міра на двѣ имперіи, претендующія на наслѣдство Римскихъ Августовъ. Въ Италіи, между франками и греками вспыхнула война.

Именно въ это время Карлъ получил акты VII-го Вселенскаго собора. Латинскій переводъ былъ сдѣланъ болѣе, чѣмъ неудовлетворительно: на основаніи цитатъ, приведенныхъ въ «Каролиновыхъ книгахъ», мы видимъ, что неточности доходили до прямого искаженія смысла (16). Кромѣ того, Карлъ нашелъ въ актахъ взгляды совершенно чуждые западному благочестію того времени. Онъ воспользовался случаемъ, чтобы скомпрометировать православіе Грековъ и, тѣмъ самымъ, возвысить свой авторитетъ, какъ хранителя подлиннаго благочестія, сыграть роль арбитра между соборами 753-го и 787-го годовъ. Съ этой цѣлью, онъ и издалъ свои «*Libri Carolini*» или, точнѣе, «*Capitulare de imaginibus*», написанныя отъ имени самого короля франковъ, вѣроятно Алкуиномъ (17), и адресованныя въ Римъ. Здѣсь Греки прямо обвиняются въ ереси, не только по поводу ихъ представленій объ иконопочитаніи, но и за ихъ триадологію.

Въ актахъ собора 787 г. помѣщалось исповѣданіе вѣры св. патріарха Тарасія, гдѣ догматъ о Троицѣ былъ изложенъ древнимъ, традиционнымъ языкомъ греческихъ стцевъ. Въ частности, было упомяну-

то объ исхожденіи Св. Духа «отъ Отца черезъ Сына»⁽¹⁸⁾. Но франкскіе богословы, вращавшіеся вокругъ Ахенскаго двора, уже совершенно не были знакомы съ греческимъ богословіемъ, но боялись всего, что могло показаться сходнымъ съ аріанствомъ. Если въ IV-омъ и V-омъ вѣкахъ западные, хотя уже и начинали забывать греческій языкъ, желали жить въ общеніи съ Востокомъ, питались общимъ церковнымъ богатствомъ, обладали подлиннымъ чувствомъ каѳоличности, то этого уже не было при дворѣ Карла. Здѣсь мы наблюдаемъ культурное и богословское возрожденіе на всецѣло западной почвѣ, послѣ долгихъ вѣковъ отрыва отъ восточной традиціи. При дворѣ Карла интересуются античной древностью, возрождается изученіе классиковъ, но помимо Византіи. Культурное возрожденіе основывается на остаткахъ чисто латинскаго просвѣщенія, хранившагося въ монастыряхъ Британіи, Ирландіи, сѣверной Франціи. Итальянскіе ученые, сохранившіе нѣкоторую связь съ греческимъ наслѣдіемъ, рѣдко появлялись въ Ахенѣ. Авторъ Каролиновыхъ книгъ и ближайшій совѣтникъ Карла, Алкуинъ, самъ былъ родомъ изъ Англіи и, во всякомъ случаѣ, не зналъ греческаго богословія.

Въ качествѣ одного изъ важныхъ отступленій Грековъ отъ православія, онъ выставляетъ тотъ фактъ, что «Тарасій правозгласилъ въ своемъ исповѣданіи вѣры, что Духъ Святой исходитъ не отъ Отца только, — какъ нѣкоторые, хотя и какъ-то умалчивающіе объ Его исхожденіи отъ Сына, но всецѣло вѣровавшіе, что онъ исходитъ отъ Отца и Сына, — и не что Онъ исходитъ отъ Отца и Сына, какъ вся Вселенская Церковь исповѣдуетъ и вѣруетъ, но что Онъ исходитъ отъ Отца черезъ Сына»⁽¹⁹⁾. Такимъ образомъ, авторъ знаетъ, что «нѣкоторые» умалчивали объ исхожденіи Духа отъ Сына: онъ имъ этого въ вину не ставитъ, какъ онъ, видимо, признаетъ допустимыми тѣ исповѣданія вѣры, читанныя на томъ-же Никейскомъ соборѣ, гдѣ не упоминается объ исхожденіи Духа отъ или черезъ Сына, а только сказано о Немъ, что Онъ исходитъ отъ Отца⁽²⁰⁾. Только «черезъ Сына» кажется ему македоніанствомъ, а, можетъ быть, и аріанствомъ. Вообще, какъ и у всѣхъ западныхъ, его мысль всегда направлена только на защиту единосущія.

«Мы вѣруемъ, — пишетъ онъ, — что Св. Духъ не исходитъ черезъ Сына, какъ тварь черезъ него бывшая, ни какъ послѣдовавшій за Нимъ во времени, или меньшій по власти, или иной по субстанціи, но мы вѣруемъ, что Онъ исходитъ отъ Отца и Сына, какъ совѣчный, какъ единосущный, какъ равный Имъ, какъ причастный той-же славѣ, власти и Божеству, съ Ними существующій»⁽²¹⁾. Далѣе, Алкуинъ пытается обвинить Тарасія въ македоніанствѣ, какъ будто «черезъ Сына» означаетъ сотворенность Духа, и приводитъ доказательства того, что Сынъ дѣйствительно Творецъ, и что все сотворено «черезъ Него». Если же Тарасій съ этимъ не согласенъ, то онъ несомнѣнно впадаетъ въ аріанство, отрицающее Божество Сына и Духа. Изъ всѣхъ этихъ доводовъ Алкуина видно, насколько «Filioque» было, въ сущности для западныхъ равносильно утвержденію единосущія Лиць Святой Троицы. Интересно, что Алкуинъ допускаетъ возможность употреблять выраженіе «черезъ Сына» для утвержденія дѣйствія Св. Духа въ иконо-

ми́ спасенія: тѣмъ самымъ онъ отличаетъ это дѣйствіе отъ вѣчнаго исхожденія Духа ⁽²²⁾. Но «черезъ Сына» абсолютно не приложимо, по его мнѣнію, къ вѣчному исхожденію Духа: это выраженіе не было употреблено ни въ Никее, ни въ Халкидонѣ ⁽²³⁾. Зато, говоря о «Filioque», Алкуинъ утверждаетъ, что оно имѣется въ оригиналѣ символа отцевъ ⁽²⁴⁾.

Наконецъ, въ качествѣ послѣдняго аргумента, онъ приводитъ то ученіе о Св. Троицѣ, которое ему представляется православнымъ. И здѣсь онъ начинаетъ съ утвержденія, что Духъ есть Богъ и Творецъ, ибо ему кажется, что греки именно это отрицаютъ: «невозможно, — пишетъ онъ, — отнять у Св. Духа имя Творца. Отецъ и Сынъ — Начало Духа, не рожденіемъ, ибо Онъ не Сынъ, не твореніемъ, ибо Онъ не тварь, но даваемъ, ибо Онъ исходитъ отъ Обоихъ» ⁽²⁵⁾. Въ качествѣ подтвержденія, онъ приводитъ длинную цитату изъ бл. Августина, гдѣ развито извѣстное ученіе объ Отцѣ и Сынѣ, какъ единомъ началѣ Духа, подобно тому, какъ всѣ три Лица Св. Троицы являются единымъ началомъ твари ⁽²⁶⁾.

Каролиновы книги даютъ намъ, такимъ образомъ, ясную картину того, какъ относились при франкскомъ дворѣ къ Восточной Тριάдологіи или, вѣрнѣе, къ тому представленію о послѣдней, которое создано при чтеніи латинскаго перевода актовъ VII-го Вселенскаго собора. Слѣдуетъ отмѣтить, что «Filioque» считалось истиной очевидной, заключающейся въ первоначальномъ текстѣ Символа, и выражающей ученіе о единосущіи въ противовѣсъ арианству и адопціонизму. Теорія бл. Августина приводилась въ качествѣ вторичнаго аргумента, поясненія первичной формулы, а не постулата. Поэтому, если бы франкскіе богословы, въ угоду интересамъ политики Карла Великаго, не выступили противъ Востока по совершенно необоснованнымъ поводамъ, то можно было бы оправдать и ихъ богословскія формулы, подобно тому, какъ св. Максимъ Исповѣдникъ оправдывалъ латинское богословіе его времени.

Римскій Престоль опредѣленно осудилъ нападки Карла на Восточное богословіе: «Haec dogma, — пишетъ папа Адрианъ I-ый королю франковъ, — Tarasius non per se explanavit, sed per doctrinam sanctorum patrum confessus est» ⁽²⁷⁾. Чтобы оправдать Восточную формулу «черезъ Сына», папа приводитъ довольно длинную серію цитатъ изъ отцевъ восточныхъ и западныхъ, воздерживаясь отъ какихъ-либо комментаріевъ къ нимъ. Въ своемъ стремленіи утвердить законность этой формулы, папа не имѣетъ руководящаго критерія, опредѣленнаго трійческаго богословія. Въ его подборѣ святоотеческихъ текстовъ мы находимъ и выраженія, гдѣ «черезъ Сына» не можетъ толковаться иначе, какъ выраженіе зависимости Духа отъ Сына въ икономіи спасенія ⁽²⁸⁾, и тексты, гдѣ «черезъ Сына» вовсе не встрѣчается, а просто утверждается «единосущіе» ⁽²⁹⁾, и, наконецъ, тексты, гдѣ эта формула понимается въ смыслѣ исхожденія, временнаго или вѣчнаго, Духа отъ Сына ⁽³⁰⁾. Совершенно ясно, что для Адриана ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына равносильно догмату с единосущіи, который можетъ выражаться и формулой «черезъ Сына». А «черезъ Сына» выражаетъ посланіе Св. Духа въ міръ ⁽³¹⁾. Папа

не отрицает исхождения Духа отъ Сына: онъ, напротивъ, приводитъ новые аргументы въ пользу этого ученія изъ бл. Августина. Ему несомнѣнно свойственна основная двусмысленность западнаго богословія въ этомъ вопросѣ, которая и способствовала постепенному укорененію, а въ послѣдствіи и догматизаціи доктрины епископа Иппонскаго. Тѣмъ не менѣе, отвѣтъ папы Адріана знаменателенъ тѣмъ, что онъ выражаетъ высокое церковное самосознаніе Римскаго престола, передъ лицомъ наступающаго западнаго цезарепапизма. Именно въ тотъ моментъ, когда весь западный міръ нашелъ себѣ повелителя въ лицѣ Карла, папа ясно выражаетъ отказъ жертвовать единствомъ Церкви во имя политическихъ интересовъ западной имперіи.

Но, увы, не весь епископатъ запада слѣдовалъ его примѣру. Въ 796-омъ или 797-омъ году, патріархъ Аквилейскій Павлинъ предсѣдательствуетъ на соборѣ епископовъ своего округа въ Чивидале Фріульскомъ. Цѣль собора — утвердить законность прибавки слова «*Filioque*» къ Символу. Въ обширной рѣчи, Павлинъ развиваетъ свои взгляды на смыслъ соборныхъ опредѣленій и назначеніе Символа вѣры. По его мнѣнію, если отцы Константинопольскаго собора прибавили къ Символу членъ о Св. Духѣ, не имѣвшійся въ Никейскомъ оросѣ, то современной ему Церкви принадлежитъ право вставить въ Символь «и отъ Сына», чтобы противостоять еретикамъ, утверждающимъ, что Духъ исходитъ отъ Одного Отца⁽³²⁾. Павлинъ признаетъ, что въ Св. Писаніи существуютъ основанія для того, чтобы читать Символь безъ прибавки⁽³³⁾, но текстовъ въ пользу «и отъ Сына» онъ находитъ достаточно⁽³⁴⁾. Аргументовъ изъ бл. Августина у него нѣтъ ни одного. Необходимость исповѣдывать исхождение Св. Духа отъ Сына вытекаетъ исключительно изъ догмата о единосущіи, который онъ вновь излагаетъ и приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Если Отецъ пребываетъ въ Сынѣ и Сынъ во Отцѣ, нераздѣлимо и существенно, то какимъ образомъ можно не вѣрить, что Св. Духъ, единосущный Отцу и Сыну, всегда исходитъ отъ Отца и Сына, существенно и нераздѣлимо»⁽³⁵⁾. На соборѣ читается Символь съ прибавкой и, тѣмъ самымъ, Аквилейскій Патріархъ входитъ въ церковномъ отношеніи въ орбиту Франкской имперіи, гдѣ прибавка уже давно принята и считается неоспоримой. Павлинъ дѣлаетъ даже соответствующій докладъ Карлу, проситъ его одобрить постановленія собора и даже, если ему это будетъ угодно, произвести въ нихъ измѣненія⁽³⁶⁾. Этотъ текстъ Павлина показываетъ, какъ высоко стоялъ престижъ Ахенской теократіи на Западѣ, и съ какой покорностью часть западнаго епископата подчинялась волѣ Карла, и положила уже въ это время начало соборнымъ осужденіямъ Грековъ въ ереси. Правда, Фріульскій соборъ не имѣлъ значительныхъ послѣдствій: начиная съ 787-го года, между Ахеномъ и Константинополемъ ведутся переговоры о мирѣ и даже о союзѣ между двумя имперіями, закрѣпленномъ бракомъ самого Карла съ византійской Василиссой Ириной. При такихъ обстоятельствахъ обвиненія Грековъ въ ереси со стороны Франковъ на время прекратились.

* * *

Вопросъ о «*Filioque*» скоро, однако, возникаетъ снова, по ини-

ціативъ Грековъ, въ Іерусалимѣ. На Елеонской горѣ издавна существовалъ латинскій монастырь. Игумень этого монастыря, въ сопровожденіи другого монаха той же обители, отправился въ 807-омъ году ко двору Карла и, повидимому, вслѣдствіе ихъ миссіи, латинскій монастырь былъ взятъ подъ особое покровительство Германскаго двора. Во всякомъ случаѣ, въ Елеонской обители были введены литургическіе обычаи придворной капеллы⁽³⁷⁾. Вскорѣ это обстоятельство вызвало недоумѣніе среди Грековъ. Монахъ Іоаннъ, изъ обители св. Саввы, началъ говорить, что всѣ «Франки, которые на Елеонской горѣ — еретики», пытался вызвать противъ нихъ народное возмущеніе и изгнать ихъ изъ Виолеемской базилики, сказавъ имъ при всѣхъ: «Вы — еретики, и книги, которыя у васъ — еретическія». Содержаніемъ ереси являлось включеніе «Filioque» въ Символь. Такимъ образомъ, ясно, что возмущеніе Грековъ было вызвано не латинскимъ обрядомъ и благочестіемъ, какъ таковымъ, а именно германскимъ ритуаломъ — «книгами», привезенными изъ Ахена, — который предполагалъ и пѣніе Символа съ прибавкой за литургіей. Послѣ предварительнаго разбирательства всего дѣла патриархомъ Іерусалимскимъ Ѳомой, особыя письма посылаются въ Римъ, папѣ Льву III⁽³⁸⁾.

Исповѣданіе вѣры папы Льва, посланное монахамъ въ отвѣтъ на ихъ запросъ, адресовано въ имѣющемъ латинскомъ текстѣ «всѣмъ восточнымъ церквамъ»⁽³⁹⁾. Здѣсь мы не находимъ упоминанія о самой вставкѣ, но употребляются выраженія, прямо утверждающія исхожденіе Св. Духа отъ Сына, каковыя были свойственны всему западному богословію. Это исповѣданіе было, вѣроятно, послано съ сопроводительными письмами патриарху Іерусалимскому и монахамъ: тамъ и сохранился отвѣтъ на вопросъ монаховъ о прибавкѣ и о франкскихъ литургическихъ книгахъ. Изъ всей дальнѣйшей политики Льва III, какъ и изъ того факта, что нападки на монаховъ со стороны Грековъ прекратились, можно заключить, что папа высказался противъ включенія «и отъ Сына» въ Символь. Можно все-же пожалѣть о томъ, что эти письма до насъ не дошли: они были бы, безъ сомнѣнія, интересны для выясненія мнѣнія папы по этому вопросу, а также для пониманія смысла права аппеляціи въ Римъ на судъ восточныхъ мѣстныхъ епископовъ, которымъ воспользовались монахи. Мы все-же имѣемъ письмо папы Льва Карлу, гдѣ сообщается о томъ, что весь матеріалъ, касающійся Іерусалимскаго дѣла, посылается въ Ахенъ, для свѣдѣнія⁽⁴⁰⁾.

Въ это время между Франкской имперіей и Византіей началась снова военная борьба. Карлъ захотѣлъ нанести Грекамъ ударъ путемъ серьезнаго, обоснованнаго обвиненія въ ереси. Для этой цѣли западный теократъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи плеяду услужливыхъ богослововъ, дѣйствительно начитанныхъ въ святоотеческихъ твореніяхъ. Правда, эта начитанность распространялась на греческихъ отцевъ только постольку, поскольку они были переведены на латинскій языкъ, а переведено было мало и часто плохо. Многіе «переводы» являлись псевдепиграфами.

До насъ дошли три литературныя произведенія, составленныя въ это время и направленные противъ грековъ. Первый изъ этихъ трудовъ составленъ Теодульфомъ, епископомъ Орлеанскимъ, съ предисло-

віємъ въ стихахъ, гдѣ восхваляется императоръ Карлъ, поручившій автору составленіе книги (41). Это произведеніе является просто сборникомъ святоотеческихъ цитатъ утверждающихъ ученіе о «Filioque». Цитируются: Аѳанасій Великій (42), Кириллъ Александрійскій, Иларій Пиктавійскій, Амвросій, Дидимъ (въ переводѣ Іеронима), Августинъ, Фульгенцій, папа Гормидза, Левъ и Григорій Великіе, Исидоръ Севильскій, Просперъ, Вигилій Африканскій, Прокль Константинопольскій (43), Агнелль, Кассіодоръ и Пруденцій. Обладая довольно значительной начитанностью, Теодульфъ является родоначальникомъ весьма печальной традиціи, которая прочно установится въ отношеніяхъ между Православіемъ и Католичествомъ: цитированіе отцевъ съ полемической цѣлью и исканіе только выгодныхъ для своей стороны словесныхъ формулъ, хотя бы и оторванныхъ отъ ихъ смысла, вытекающаго изъ контекста. Правда, какъ и папа Адрианъ I въ упомянутомъ письмѣ Карлу, Теодульфъ приводитъ и подлинныя западныя тексты, особенно тексты изъ бл. Августина, которые въ послѣдствіи будутъ имѣть рѣшающее вліяніе на католическое богословіе.

Мы не знаемъ автора второго произведенія противъ Грековъ (44). Онъ принадлежалъ, такъ же какъ и Теодульфъ, къ числу покровительствуемыхъ Карломъ ученыхъ, и его трудъ также посвященъ императору, въ которомъ онъ видитъ единственнаго покровителя Церкви (45). У него мы наблюдаемъ попытку дать систему аргументовъ въ пользу ученія объ исхожденіи духа отъ Отца и Сына. Первая глава состоитъ, главнымъ образомъ, изъ ссылокъ на Св. Писаніе и отцевъ. Большинство цитатъ — тѣ же, что у Теодульфа, и слѣдуетъ предположить, что авторъ пользовался трудомъ Теодульфа, какъ справочникомъ, дополняя его цитатами изъ Льва Великаго, Григорія Богослова, Іеронима, Геннадія Марсельскаго, Боэція, Пасхазія. Авторъ ссылается также на авторитетъ папъ и вселенскихъ соборовъ, подтвердившихъ, будто бы, то же ученіе. Но интересно, что въ единственномъ мѣстѣ своего произведенія, гдѣ онъ пытается богословствовать самостоятельно, не повторяя буквально текста приводимыхъ авторитетовъ, онъ утверждаетъ, что для него «двойное» исхожденіе есть просто выраженіе единосущія Лицъ, т. е. онъ придерживается древняго западнаго богословія, которое зналъ св. Максимъ (46). Остальныя двѣ главы, приводящія свидѣтельства въ пользу того, что Духъ есть Духъ Отца и Сына, и что Духъ посылается отъ Обоихъ, заслуживаютъ меньшаго вниманія.

Третье произведеніе этой серіи является письмомъ, составленнымъ для Карла Смарагдомъ, аббатомъ монастыря св. Мигіеля. Это письмо было послано Карломъ въ Римъ отъ своего имени (47). Въ этомъ довольно малозначительномъ трудѣ авторъ, кромѣ цитатъ изъ Свяш. Писанія, съ комментаріями въ благопріятномъ для него духѣ, используетъ исключительно сборникъ Теодульфа: самихъ отцевъ онъ не читалъ (48).

Мобилизуя свои научныя силы, Карлъ, видимо, хотѣлъ добиться осужденія Грековъ со стороны всей Западной Церкви. Въ 807 году онъ собираетъ соборъ въ Ахенѣ. Объ этомъ соборѣ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ краткой замѣтки хрониста (49). Врядъ-ли кто-нибудь всталъ здѣсь на защиту Востока. Но передъ Карломъ стояло препятствіе первостепеннаго значенія: Римскій Престолъ. Въ Римѣ,

Символь читали безъ прибавки и отказывались обвинить въ ереси весь христіанскій Востокъ.

Въ связи съ Іерусалимскимъ дѣломъ и съ общимъ направлениемъ Карловой политики, въ Римъ ѣдетъ посольство отъ франкскаго двора съ поручениемъ добиться отъ папы опредѣленнаго высказыванія въ пользу вставки. У насъ имѣется протоколъ совѣщанія, которое германская делегация имѣла съ папой Львомъ III. Составитель протокола — аббатъ Смарагдъ⁽⁵⁰⁾.

Совѣщаніе началось съ чтенія свидѣтельствъ изъ Писанія и свв. отцевъ, подтверждающихъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына⁽⁵¹⁾. Папа объявилъ, что изложенное ученіе православно, что онъ къ нему присоединяется, и что тотъ, кто сознательно противоборствуетъ этому ученію, спастись не можетъ. Тогда послы спросили, возможно-ли православное ученіе изъяснить вѣрующимъ путемъ пѣнія въ церкви. На это папа отвѣчаетъ утвердительно, но категорически отрицаетъ возможность вносить измѣненія въ Символь: отцы соборовъ составили его окончательно и запретили что бы то ни было убавлять или прибавлять къ нему. Когда представители Карла ссылаются на миссіонерскую, педагогическую потребность — «если не будетъ пѣться въ церкви, никто не научится здравому ученію», — папа замѣчаетъ, что многія ученія Церкви, необходимыя для спасенія, въ Символѣ не содержатся, и прямо осуждаетъ пѣніе Символа со вставкой. «Я далъ разрѣшеніе пѣть Символь, но не убавлять или измѣнять его во время пѣнія», говоритъ онъ. Чтобы постепенно вывести изъ обихода ставшую привычною прибавку, папа предлагаетъ франкамъ вернуться къ древней практикѣ, каковая въ то время дѣйствовала въ Римѣ: вовсе не пѣть Символа за литургіей, чтобы, такимъ образомъ, народъ отвыкъ отъ «*Filioque*», и законность была восстановлена.

Такимъ образомъ, видно, что папа придавалъ абсолютное значеніе соборнымъ постановленіямъ, запрещающимъ измѣнять Символь: въ своемъ спорѣ съ послами онъ даже смѣется надъ тѣми, кто включаетъ «и отъ Сына» въ Символь, ставя себя, тѣмъ самымъ, выше собора. Конечно, папа Левъ при этомъ всецѣло принимаетъ доктрину, содержащуюся въ прибавкѣ, но въ этомъ онъ только слѣдуетъ принятому на Западѣ словоупотребленію.

Интересно отмѣтить, что въ планѣ архитектурныхъ усовершенствованій, произведенныхъ папой Львомъ въ базиликѣ святого Петра, были воздвигнуты двѣ серебряныя плиты, справа и слѣва отъ входа въ крипту, на которыхъ былъ начертанъ текстъ Символа, конечно, безъ вставки, по-гречески и по-латыни. «*Liber Pontificalis*» замѣчаетъ, что назначеніе плитъ заключалось въ «защитѣ православной вѣры»⁽⁵²⁾. Вѣроятно, этотъ жестъ былъ именно направленъ противъ включенія «и отъ Сына» въ Символь: во всякомъ случаѣ, такъ его поняли современники и, что особенно важно, сами Греки. Патріархъ Фотій въ своей «Мистагогии» упоминаетъ объ этомъ событіи: «Въ сокровищницахъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла, съ древнѣйшихъ временъ, когда процвѣтало благочестіе, хранились со священными останками двѣ плиты, которыя возвѣщали буквами и словами греческими часто повторяемое священное исповѣданіе вѣры. (Папа Левъ) приказалъ провоз-

гласить содержание этих плит перед Римским народом и воздвигнуть их, чтобы все их видели, и многие, кто видели это и прочитали, находятся еще в живых» (53).

Со стороны Карла нельзя было в то время ожидать согласия на предложени папы: «Filioque» продолжало пѣться в Германіи за литургіей. Но вопросъ этотъ зна время пересталъ подыматься: между Ахеномъ и Константинополемъ водворился снова миръ и Михаилъ I Рангавъ даже призналъ за Карломъ императорскій титулъ.

Такъ стояла проблема «Filioque» на Западѣ въ то время, какъ нѣкоторыя обстоятельства приведутъ Воостокъ къ довольно рѣзкому, первому высказыванію противъ латинской теоріи. Слѣдуетъ особенно отмѣтить, до какой степени западные богословы были лишены четкости мысли и выраженій, которыми такъ блистали Греки. Богословская терминологія Запада, хотя ее и можно, вслѣдъ за преп. Максимомъ понимать въ православномъ смыслѣ, поскольку она не обязательно связана съ августиновской метафизикой, сыграла несомнѣнно крупную роль въ разобщеніи обѣихъ половинъ христіанскаго міра съ того момента, какъ франкскіе богословы стали выдвигать ее въ качествѣ анти-греческаго знамени. Они тѣмъ самымъ придали еретическій смыслъ тому, что могло оставаться богословскимъ и каноническимъ недоразумѣніемъ. Но характерной чертой начала этого спора явилась роль, принятая въ немъ германскими императорами. «Filioque» проводится и распространяется именно германцами, несмотря на опредѣленную оппозицію со стороны Рима. Но, увы, эта оппозиція долго не продлилась: на Западѣ возникла и прочно пустила корни идея христіанской «Вселенной» съ центромъ уже не на Востокѣ, а на Западѣ, основанной на латинской культурѣ, забывшей греческое наслѣдіе. Папы были неизбѣжно вовлечены въ этотъ процессъ. Если въ IX-мъ вѣкѣ они еще сохранили свою независимость и даже активно боролись съ германскимъ вліяніемъ, то изрѣдка, они все-же были принуждены съ нимъ считаться и даже вступать во временный союзъ съ германскими интересами, въ частности въ славянскихъ странахъ. Такое временное, въ сущности случайное, сотрудничество и вызвало реакцію Востока, поскольку оно произошло почти у самыхъ дверей «царствующаго Града», въ непосредственной орбитѣ византійскихъ интересовъ — въ Болгаріи.

III. Кризисъ IX-го вѣка.

Долгое молчаніе Восточной Церкви передъ все распространяющейся практикой включать «и отъ Сына» въ Никео-Цареградскій Символь, тѣмъ болѣе, можетъ показаться удивительнымъ, что эта вставка вызвала вполнѣ стволько непримиримой страстности. Можно-ли себя представить, что на Востокѣ просто не знали положенія вещей? Врядъ-ли. Въ IX-омъ вѣкѣ между Римомъ и Константинополемъ сохранялась еще постоянная связь, хотя бы черезъ посредство многочисленныхъ греческихъ монастырей, процвѣтавшихъ и у самаго престола ап. Петра, и въ другихъ частяхъ Италіи (54). Въ Римѣ у грековъ были свои церкви, даже свои особые кварталы. Папа Пасхалій I (847-855) и Левъ III сами основывали греческіе монастыри (55). На VII-омъ Все-

ленскомъ соборѣ папа былъ представленъ «двумя Петрами», греками изъ Рима, изъ которыхъ одинъ былъ игуменомъ греческаго монастыря св. Саввы въ Римѣ⁽⁵⁶⁾. Всѣ эти греческіе церковные центры, конечно, сохраняли постоянную связь съ Востокомъ. О богословіи, преобладающемъ въ Римской Церкви, они дѣлали сообщенія, подобныя тому, которое въ свое время сдѣлалъ, живя тоже въ Римѣ, св. Максимъ, какъ мы увидимъ на примѣрѣ Анастасія Библиотекаря. Востокъ этимъ удовлетворялся, поскольку о включеніи «Filioque» въ Символь въ Римѣ не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что при вступленіи на престоль, папы всегда посылали на Востокъ исповѣданія вѣры, составленныя на принятомъ «каппадокійскомъ языкѣ»⁽⁵⁷⁾.

Мы уже видѣли, что и о франкскомъ богословіи въ Константинополѣ знали: вопросъ уже обсуждался на соборахъ въ иконоборческія времена, а затѣмъ и въ Иерусалимѣ. Но здѣсь молчаніе Грековъ объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ особымъ авторитетомъ, который они несомнѣнно признавали за кафедрой Ветхаго Рима. Самъ Фотій въ своей «Мистагогіи» превозноситъ этотъ авторитетъ на посрамленіе тѣхъ, кто принимаетъ прибавку. Для Востока, несмотря на инцидентъ съ папой Гоноріемъ, Римъ сохранялъ ореолъ охранителя Православія, а поэтому и о вѣрѣ всего Запада судили на основаніи убѣжденій и дѣйствій западнаго патріарха.

Но, кромѣ того, наряду съ западной самозамкнутостью, поддерживаемой новой германской имперіей, несомнѣнно существовала уже въ IX-омъ вѣкѣ и восточная національно-политическая самозамкнутость, не могущая не играть пагубной роли въ церковныхъ отношеніяхъ между Западомъ и Востокомъ. Византійскій міръ, культурно и административно объединенный вокругъ Константинополя и всецѣло руководящій судьбами Восточной Церкви, ставшей къ тому времени всецѣло «византійской» по обряду и культурѣ, имѣлъ тенденцію интересоваться «варварскимъ» міромъ только постольку, поскольку онъ непосредственно соприкасался съ интересами Восточной христіанской имперіи. Церковная жизнь Запада, какъ таковая, стала ему всецѣло чуждой. О «Filioque» забеспокоились тогда, когда оно стало проповѣдываться въ странѣ политически и географически находящейся въ соприкосновеніи съ Византіей. При этомъ мы нисколько не заподозриваемъ искренности Фотія и антилатинскихъ полемистовъ: они дѣйствительно видѣли ересь въ новоявленномъ ученіи, и ихъ зависимость отъ политическихъ интересовъ Византіи вовсе не слѣдуетъ разсматривать, какъ грубое подчиненіе ихъ вѣры мірскимъ пристрастіямъ. Мы только хотимъ сказать, что ихъ выступленія и дѣйствія предполагали безсознательное принятіе византійскаго теократическаго мировоззрѣнія, предполагавашаго, что судьбы Церкви связаны до Страшнаго Суда съ судьбами исторической всемірной Римской Имперіи, т. е. Византіи. Это мировоззрѣніе, конечно, своеобразно окрасило ихъ представленіе о каѳоличности Церкви. Принадлежность къ Христіанской Церкви опредѣленно ставилась въ зависимость отъ подчиненія, хотя бы формальнаго, «святому царю всѣхъ христіанъ». А тѣ, кто этого подчиненія не принимали, становились, въ глазахъ византійцевъ, неполными христіанами, православіе которыхъ дѣлалось само по себѣ сомнительнымъ, но ко-

торымъ можно было снисходительно прощать и богословскія погрѣшности, объяснимыя, между прочимъ, какъ думалъ Фотій, и употребленіемъ «варварскаго» латинскаго языка, пока они не претендовали прямо нападать на «возвышенную, небесную страну, царицу городовъ, испускающую источники Православія и чистые потоки благочестія»⁽⁵⁸⁾ — Византію.

* * *

Проникновеніе христіанства въ славянскія страны должно быть разсматриваемо, какъ одно изъ самыхъ значительныхъ явленій IX-го вѣка. Крещеніе славянъ явилось довольно болѣзненнымъ процессомъ въ связи съ тѣмъ фактомъ, что славяне были вынуждены выбирать своихъ духовныхъ родителей: христіанскій міръ былъ уже раздѣленъ, если не формально, то, во всякомъ случаѣ, психологически. Этотъ выборъ зависѣлъ, какъ отъ географическаго положенія крещаемого народа, такъ и отъ цѣлаго ряда политическихъ конъюнктуръ, связанныхъ съ планами великихъ христіанскихъ имперій и юридическими интересами патріаршихъ кафедръ. Разные славянскіе народы по разному разрѣшили стоявшую передъ ними задачу. Но ни одинъ изъ нихъ не вызвалъ своимъ обращеніемъ столько событій общехристіанскаго значенія, какъ народъ болгарскій.

Крещеніе Болгаріи произошло во время царствованія умнаго, политически одареннаго, хотя и довольно примитивнаго, съ культурной точки зрѣнія, кагана Бориса. Событія вовлекли его въ сложную обстановку тогдашней европейской политики, гдѣ интересы Византіи, Германской имперіи, папскаго престола скрещивались и переплетались, въ то время, какъ славянскіе народы одинъ за другимъ стремились черезъ посредство крещенія приобщиться къ семьѣ культурныхъ христіанскихъ державъ, не теряя при этомъ своей національной независимости.

Сношенія Бориса съ Людовикомъ Германскимъ начинаются уже въ серединѣ IX-го вѣка, и нѣсколько болгарскихъ посольствъ посѣщаютъ Германскій дворъ⁽⁵⁹⁾. Бывало, что между Болгарами и Франками вспыхивала война, никогда, правда, долго не длившаяся⁽⁶⁰⁾. Сближеніе съ Людовикомъ было несомнѣнно выгодно Борису хотя бы потому, что, въ виду своей отдаленности, Германія не представляла для него непосредственной опасности, тогда, какъ сосѣдняя Византія прямо угрожала ему поглощеніемъ, которое впоследствии и произошло. Во всякомъ случаѣ, мы находимъ Бориса въ 863 году въ прочномъ союзѣ съ Людовикомъ въ войнѣ съ взбунтовавшимся противъ Германскаго императора Карломаномъ Баварскимъ, дѣйствовавшимъ заодно съ Ростиславомъ Моравскимъ. Характерно, что во время этой войны Ростиславъ ищетъ союза съ Константинополемъ, и оттуда ѣдутъ въ Моравію святые братья Константинъ и Меѳодій, тогда какъ Борисъ ведетъ переговоры съ Людовикомъ, намѣреваясь принять христіанство изъ Германіи⁽⁶¹⁾. Такимъ образомъ, оба славянскіе народа желаютъ получить новую вѣру не отъ своихъ сосѣдей, а отъ отдаленныхъ христіанскихъ державъ, не угрожающихъ ихъ независимости. О намѣреніи болгаръ принять крещеніе, Людовикъ сообщаетъ папѣ Николаю I че-

резь посредство нѣкоего епископа Соломона. По этому поводу, папа пишетъ письмо Людовику, выражающее радость о томъ, что Болгарія принимаетъ Христову вѣру. Изъ письма мы также узнаемъ, что въ то время многіе болгары уже крещены, т. е. франкскіе миссіонеры уже находятся въ Болгаріи въ 863 году⁽⁶²⁾. Этотъ фактъ, можетъ быть, подтверждается и Анастасіемъ Библиотечаремъ, который пишетъ, что Борисъ былъ крещенъ римскимъ пресвитеромъ Павломъ⁽⁶³⁾. Это извѣстіе, конечно, не вѣрно по существу. Борисъ былъ крещенъ греками, но имя пресвитера Павла врядъ-ли просто выдуманно Анастасіемъ: вѣроятно это былъ одинъ изъ посланныхъ Людовикомъ миссіонеровъ, отъ которыхъ Борисъ только намѣревался принять христіанство⁽⁶⁴⁾. Но, во всякомъ случаѣ, германское церковное вліяніе въ Болгаріи восходитъ къ этому времени, а, слѣдовательно, и введеніе германскаго обряда и литургическихъ книгъ, гдѣ значился Символь съ прибавкой.

Въ 864 году положеніе круто перемѣнилось. Послѣ того, какъ болгары сдѣлали набѣгъ на византійскую территорію, съ цѣлью нагнать свѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ у нихъ былъ недостатокъ, императоръ Михаилъ III напалъ со всей своей силой на Бориса и привелъ его не только къ капитуляціи, но и къ принятію крещенія — конечно изъ Византіи. Самъ василевсъ былъ воспріемникомъ Бориса, а крестилъ его, вѣроятно, патріархъ Фотій⁽⁶⁵⁾.

Мы не знаемъ, что случилось съ франкскими миссіонерами, присланными Людовикомъ. Возможно, что, оставаясь въ Болгаріи, они вдохновляли то движеніе, которое привело Бориса къ перемѣнѣ политики въ 866 году⁽⁶⁶⁾. Недовольный своими отношеніями съ Византіей, отказавшей ему въ правѣ имѣть своего архіепископа, Болгарскій каганъ снова повернулся къ Западу. Но на Западѣ въ это время между германскимъ императоромъ и папой шла постоянная борьба, предвѣщавшая борьбу за власть въ христіанскомъ мірѣ, которая будетъ продолжаться въ теченіе почти всехъ среднихъ вѣковъ. Кромѣ того, между Римомъ и Германіей были и обрядово-каноническія недоразумѣнія, хотя бы въ томъ же вопросѣ о «Filioque», ущемляющія единство западнаго міра.

Объ измѣненіи политики Бориса мы имѣемъ довольно туманныя свѣдѣнія въ западныхъ хроникахъ. Во всякомъ случаѣ, можно сказать, что произошло столкновеніе по поводу Болгаріи между Людовикомъ и Николаемъ I. При дворѣ Бориса несомнѣнно существовала партія, принявшая крещеніе отъ франковъ и естественно стремившаяся возстановить нарушенную связь съ Людовикомъ. Съ другой стороны, папа Николай настолько въ это время возвысилъ авторитетъ Римскаго Престола, что Борисъ не счелъ возможнымъ его обойти. Поэтому болгарскій каганъ шлетъ пословъ и къ Людовику, и къ Николаю. Успѣхъ былъ, конечно, обезпеченъ. Въ Болгарію ѣдутъ клирики и изъ Германіи, и изъ Рима. Людовикъ даже проситъ у своего брата Карла сосуды, облаченія и церковныя книги для послышки ихъ Борису⁽⁶⁷⁾. Но въ Болгаріи франки находятъ конкурентовъ — клириковъ изъ Рима. Если, по сообщенію одного хрониста, франкское духовенство было принято Борисомъ съ почетомъ⁽⁶⁸⁾, то, по другому источнику, епископъ Эммерихъ, присланный Людовикомъ, долженъ вернуться обратно⁽⁶⁹⁾. Съ другой стороны, мы знаемъ, что присланные изъ Рима епископы

Павель и Формоза входятъ въ управление Болгарской Церковью. Обиженный Людовикъ требуетъ у папы, въ качествѣ компенсации, подарки, присланные Борисомъ «въ даръ св. Петру», въ частности, оружіе, которое болгарскій каганъ носилъ при усмирении боярскаго бунта. Папа, получивши Болгарію, легко соглашается на эту весьма скромную уступку самолюбію императора (70).

Но, конечно, культурное и литургическое вліяніе германскаго христіанства оставалось сильнымъ въ Болгаріи, ибо основное соприкосновеніе съ западнымъ христіанствомъ произошло черезъ посредство франковъ. Врядъ-ли присланные изъ Рима епископы очень настаивали на искорененіи обычаевъ, укоренившихся въ «западнической» партіи, съ которой они были объединены въ борьбѣ съ общимъ врагомъ — греками и греческимъ вліяніемъ. Такимъ образомъ, въ Болгаріи образовалась Церковь съ обрядомъ германскимъ, но Римской юрисдикціи. И «Filioque», до сихъ поръ отвергаемое Римомъ, стало пѣться въ церковной области, находящейся въ непосредственной отъ него зависимости и подъ его покровительствомъ.

Въ наукѣ было высказано мнѣніе, что въ Болгаріи западные миссіонеры не вводили Символа съ «Filioque», а только проповѣдывали ученіе о двойномъ исхожденіи Св. Духа: ибо какъ они могли вводить то, чего еще не было въ Римѣ (71)? Но изъ писаній патріарха Фотія, а также изъ общей установки грековъ въ вопросѣ объ исхожденіи Св. Духа, котораго они не касались, пока не вносилась прибавка въ Символь, видно, что критеріемъ Православія они считали исповѣданіе Символа, въ его неповрежденномъ видѣ (72). Поэтому Фотій, хотя и полемизируетъ съ самой доктриной, но считаетъ православными тѣхъ папъ, которые противились приставкѣ.

Такимъ образомъ, греки впервые встрѣтились съ Церковью, находящеюся въ непосредственной юрисдикціи Рима и все-же принимающей «Filioque», при этомъ питающей сознательную вражду къ Византіи и покинувшей свою духовную мать. Въ Болгаріи, уже не отдѣльные представители «варварскаго» Запада, а самъ Римскій Патріархъ, если не самъ впалъ въ ересь, то открыто ей покровительствовалъ, способствовалъ ея распространенію среди народа, котораго византіицы крестили и считали своимъ естественнымъ союзникомъ. Да и саму ересь греки приняли всерьезъ именно тогда, когда она стала проповѣдываться отъ имени прославленнаго и уважаемаго Ветхаго Рима. Въ сознаніи Византіицевъ, въ частности Патріарха Фотія, твердо исповѣдывавшаго первенство Рима въ Церкви, папа Николай являлся первымъ нарушителемъ Символа: онъ — единственный папа, котораго авторъ «Мистагогии» считаетъ неправославнымъ (73). Епископъ Формоза, управлявшій Болгарской Церковью отъ имени папы Николая и самъ будущій папа, продолжалъ считаться въ позднѣйшей византіиской литературѣ проводникомъ ереси, хотя онъ самъ, будучи римляниномъ, можетъ быть, и не былъ лично сторонникомъ вставки. Съ точки зрѣнія грековъ, онъ все-же вошелъ въ исторію, какъ первый представитель Рима, покровительствующій «Filioque» (74).

Въ 867 году патріархъ Фотій пишетъ свое знаменитое окружное посланіе къ Восточнымъ патріархамъ, созывая ихъ на соборъ. Враги

благочестія объявляются уже осужденными, вѣроятно мѣстнымъ Константинопольскимъ соборомъ (75), но предполагаемый большой соборъ долженъ окончательно рѣшить болгарскій вопросъ. Подъ «врагами благочестія» онъ подразумѣваетъ «епископовъ мрака», т. е. Запада, «именующихъ себя епископами», находящихся въ Болгаріи (76). Лично папа Николай нигдѣ не обвиняется въ ереси, хотя ясно, что Фотій и его считаетъ врагомъ: въ концѣ своего посланія онъ упоминаетъ о «соборномъ письмѣ и о частныхъ письмахъ, полученныхъ имъ изъ Италіи и изъ Германіи, жалующихся на «тиранію» Римскаго епископа (77).

Окружное посланіе Фотія и послѣдовавшее за нимъ соборное осужденіе папы Николая въ Константинополь не имѣли большихъ послѣдствій: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Фотій былъ сведенъ съ патриаршества, а при его преемникѣ, Игнатіѣ, Борисъ снова измѣнилъ свою политику и вернулъ Болгарію въ орбиту Византіи. Да и врядь-ли слѣдуетъ жалѣть о томъ, что эта первая попытка патр. Фотія поставить вопросъ о «Filioque» передъ церковнымъ сознаниемъ окончилась неудачей: ни ея рѣзкая форма, ни, главное, общая политическая обстановка, въ которой она была сдѣлана — Византія пыталась опереться на Германскаго императора, отъ котораго и исходило главное покровительство вставки «Filioque» въ Символъ, чтобы изъять Болгарію изъ Римской юрисдикціи! (78) — не могли способствовать ея благополучному окончанію.

Болѣе благопріятныя условія создались, когда патр. Фотій снова вернулся на патриаршую кафедру, а на престолъ Ветхаго Рима возсѣлъ человекъ нѣсколько иного духа, чѣмъ Николай I-ый: папа Іоаннъ VIII-ой. На соборѣ, созванномъ въ Константинополь въ 879-880 гг., былъ водворенъ церковный миръ. Дѣйствительно, недавнія работы нѣкоторыхъ католическихъ историковъ, въ особенности аббата Дворника (79), несомнѣнно дѣлающихъ честь научной безпристрастности и «иренической» настроенности значительной части католическихъ ученыхъ, показали, что папа Іоаннъ и патриархъ Фотій должны почитаться великими миротворцами и духовными покровителями всѣхъ тѣхъ, кто по сей день стремится осуществить единеніе христіанскаго міра.

Условія мира были слѣдующія: Фотій отказывался отъ юрисдикціи на Болгарію, но сохранялъ право посылать туда духовенство, переходящее, тѣмъ самымъ, въ юрисдикцію Рима. Болгары, такимъ образомъ, продолжали находиться въ сферѣ культурнаго и литургическаго вліянія Византіи при соблюденіи древнихъ каноническихъ правъ Рима на Балканскомъ полуостровѣ, въ Иллирикѣ. Константинопольскій патриархъ также подтвердилъ свое признаніе первенства Ветхаго Рима, въ частности въ томъ, что касается его права принимать апелляціи съ Востока на судъ епископа Новаго Рима. Со своей стороны, папа Іоаннъ согласился снова осудить всякую прибавку къ Символу, а тѣмъ самымъ, по нашему мнѣнію, нанесъ тяжелый ударъ ученію о папской непогрѣшимости, поскольку Фотій и вся Восточная Церковь приняли постановленіе собора въ томъ смыслѣ, что Іоаннъ VIII осуждаетъ ученіе, допускавшееся Николаемъ I-мъ. Кромѣ того, у насъ есть достаточно основаній думать, что и самъ Іоаннъ понималъ именно такъ постановленіе собора. Въ актахъ VII-го засѣданія, послѣ чтенія Симво-

ла, стоит торжественное провозглашение: «Если кто-либо будет настолько безразсуднымъ, что станетъ составлять иное исповѣданіе вѣры, или если кто станетъ переиначивать это ученіе чуждыми выраженіями, прибавками или убавками, да будетъ анаема!»⁽⁸⁰⁾.

Католическіе историки обычно подчеркиваютъ, что здѣсь идетъ рѣчь только о каноническомъ вопросѣ прибавки къ Символу, а не о самомъ ученіи объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, а каноническіе вопросы могутъ разрѣшаться по разному въ разныя времена. Но, во-первыхъ, можно сомнѣваться въ томъ, что вопросъ о прибавкѣ могъ тогда трактоваться, какъ каноническій, послѣ того, какъ Фотій явно, въ своемъ окружномъ посланіи осудилъ въ ереси тѣхъ, кто придерживался прибавки, а во-вторыхъ, нельзя не считаться съ тѣмъ фактомъ, что вся Восточная Церковь поняла постановленіе собора въ томъ смыслѣ, что Іоаннъ VIII осудилъ и само ученіе о «Filioque», ибо въ глазахъ грековъ доктрина была неразрывна отъ ея формулировки въ Символѣ.

Патріархъ Фотій въ свой «Мистагоги», написанной послѣ собора и систематически опровергавшей ученіе объ исхожденіи Св. Духа «и отъ Сына», прямо причисляетъ папу Іоанна къ противникамъ этого ученія, какъ такового, ибо нигдѣ въ своемъ трудѣ онъ не отличаетъ ученіе отъ формулы. «Мой Іоаннъ, — пишетъ патріархъ, — онъ, между прочимъ, также мой, потому что защитилъ меня сильнѣе, чѣмъ кто-либо, — этотъ собственный мой Іоаннъ, мужественный въ мысли и въ благочестіи, мужественный въ ненависти и въ сокрушеніи всякой неправды и всякаго нечестія, способный помочь и священнымъ и гражданскимъ установленіямъ и возстановить порядокъ, этотъ облагодатствованный Римскій архіерей, черезъ посредство благочестивыхъ и прославленныхъ своихъ замѣстителей, архіереевъ и іереевъ Божіихъ Павла, Евгенія и Петра, прибывшихъ къ намъ на соборъ, подписалъ и запечатлѣлъ Символъ вѣры, мыслью, языкомъ и священными руками вышеупомянутыхъ мужей, вмѣстѣ съ католическою Божьею Церковью и римскими Архіереями, его предшественниками»⁽⁹⁰⁾.

Но и помимо этого свидѣтельства Фотія, мы имѣемъ косвенныя свѣдѣнія о мнѣніяхъ Іоанна VIII-го по вопросу о «Filioque».

Какъ разъ въ эпоху Константинопольскаго собора, на которомъ Фотій былъ торжественно оправданъ легатами папы, св. Меѳодій въ Моравіи былъ вынужденъ защищаться отъ нападокъ конкурировавшихъ съ нимъ франкскихъ миссіонеровъ, проповѣдовавшихъ ученіе о двойномъ исхожденіи и предлагавшихъ Моравамъ текстъ Символа съ прибавкой, то есть въ германской редакціи. Житіе Меѳодія описываетъ борьбу славянскаго Первоучителя съ «Юпаторской» ересью, т. е. съ тѣми, кто проповѣдывалъ ученіе объ исхожденіи Духа отъ Сына и Отца⁽⁹¹⁾. Св. Меѳодій, вслѣдствіе этой борьбы, рѣшилъ искать поддержки въ Римѣ и съ этой цѣлью ѣдетъ къ папѣ Іоанну VIII-му въ 880 году. Іоаннъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, заступаетъ за него и пишетъ соответствующія письма въ Моравію⁽⁹²⁾. Только впоследствии Римскій Престоль, при папѣ Стефанѣ (885-891), измѣнилъ свою политику, поддержалъ сторонниковъ «Filioque» и, тѣмъ самымъ положилъ конецъ византійской миссіи въ Моравіи⁽⁹³⁾.

Имѣется и еще одно свидѣтельство, бросающее свѣтъ на вѣроятное мнѣніе самого Іоанна VIII-го по вопросу о догматическомъ содержаніи западной терминологіи объ исхожденіи. Это свидѣтельство исходитъ отъ прямого сотрудника папъ Николая I, Адріана II и Іоанна VIII, стоявшаго за кулисами всей папской политики въ это время и несомнѣнно сыгравшаго крупную роль въ опредѣленіи ея новаго направленія, принятаго при Іоаннѣ VIII-мъ, — Анастасія Библіотекаря. Анастасій, хорошо знающій греческій языкъ и бывший папскимъ апокрисиаріемъ въ Константинополѣ, пишетъ въ письмѣ къ Іоанну, будущему папѣ: «Мы перевели изъ письма того же св. Максима, написаннаго пресвитеру Марину, отрывокъ объ исхожденіи Св. Духа, гдѣ онъ даетъ понятіе, что греки несправедливо насъ обвиняють, ибо мы не говоримъ, что Сынъ — причина или начало Св. Духа, какъ они утверждаютъ, но, зная о единствѣ сущности Отца и Сына, думаемъ, что Онъ исходитъ, какъ отъ Отца, такъ и отъ Сына: но мы разумѣемъ посланіе, не исхожденіе. Онъ (св. Максимъ) правильно понимаетъ и призываетъ къ миру тѣхъ, кто знаетъ одинъ и другой языкъ. Онъ учитъ и насъ, и грековъ, что Св. Духъ въ какомъ-то смыслѣ исходитъ и въ какомъ-то смыслѣ не исходитъ отъ Сына, указывая на трудность перевести свойства Духа съ одного на другой языкъ»⁽⁹⁴⁾. Такимъ образомъ, мы здѣсь видимъ, что правящіе круги въ Римѣ не измѣнили своего взгляда со времени преп. Максима, не считали ученіе бл. Августина обязательнымъ въ этомъ вопросѣ, а объясняли существующія недоразумѣнія такъ же, какъ ихъ объясняли Фотій, т. е. трудностями языка⁽⁹⁵⁾.

Мы можемъ, на основаніи этихъ свидѣтельствъ, съ увѣренностью сказать, что папа Іоаннъ проводилъ свою политику вполне сознательно. Въ его лицѣ мы имѣемъ Римскаго Первосвященника, относящагося отвѣтственно къ своей общепризнанной функціи Вселенскаго Судьи, несмотря на всѣ недоразумѣнія и политическія обстоятельства, нарушавшія миръ между Востокомъ и Западомъ. Но его достижения, увы, не будутъ долговѣчными. Въ связи съ глубокимъ упадкомъ Римской Церкви въ X-мъ и XI-мъ вѣкахъ, Германскіе императоры превратятъ папъ въ послушныхъ исполнителей ихъ воли, чисто западныхъ іерарховъ. Нѣкій Бернонъ, аббатъ монастыря Рейхенау, рассказываетъ, какъ въ 1002 году императоръ Генрихъ II-ой, прибывшій въ Римъ на коронаваніе, потребовалъ, чтобы чинъ былъ совершенъ папой Бенедиктомъ VIII-мъ по германскому обряду. «Государь императоръ, — пишетъ Бернонъ, — не отступилъ до тѣхъ поръ, пока, съ общаго согласія, не убѣдилъ апостольскаго Владыку Бенедикта, чтобы пѣли его (Символъ) за литургіей»⁽⁹⁶⁾. Именно противъ пѣнія Символа за литургіей, которое официально зафиксировало бы «Filioque», и возражалъ папа Левъ III, но теперь времена были другія, и было совершенно непоправимое.

Когда же папство воскресло снова въ концѣ XI-го и въ XII-омъ вѣкѣ, ему уже трудно было идти назадъ, да оно и не желало этого. Въ каноническихъ сборникахъ, соборъ 879-880 гг. былъ замѣненъ, въ качествѣ VIII-го Вселенскаго, игнатіанскимъ соборомъ 869-го года⁽⁹⁷⁾. Папы были всецѣло поглощены усиліями возгавить западный христіанскій міръ и не постѣснялись, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, благословить походы крестоносцевъ противъ грековъ-«схизматиковъ».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Настоящее краткое изслѣдованіе о мѣстѣ спора о «Filioque» въ отношеніяхъ между Западомъ и Востокомъ въ VIII-омъ и въ IX-омъ вѣкахъ позволяетъ намъ придти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Въ это время Западные, хотя и исповѣдывали ученіе о «двойномъ» исхожденіи Св. Духа, обычно не прибѣгали къ триадологіи бл. Августина для обоснованія своихъ взглядовъ, а если и прибѣгали, то въ качествѣ вторичнаго аргумента, а не отправнаго пункта. Употреблялась просто терминологія, подчеркивающая единосушіе Лиць, свойственная и на Востокѣ нѣкоторымъ отцамъ, въ частности св. Кириллу Александрійскому. При этомъ, нѣкоторые западные богословы, напримѣръ Анастасій Библиотечарь, объясняли это словоупотребленіе въ православномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ «икономическаго» исхожденія Духа отъ Сына.

2) Восточные, несмотря на полную безкомпромиссность въ томъ, что касается ученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Одного Отца, допускали у западныхъ это словоупотребленіе, поскольку оно понималось въ православномъ смыслѣ, и поскольку не вносила прибавка въ Символь.

3) Первые инциденты по поводу «Filioque» показываютъ, какое огромное значеніе придавалось Восточными Римскому Престолу, и какимъ довѣріемъ онъ съ ихъ стороны пользовался: пока Римъ сопротивлялся внесенію прибавки въ Символь, онъ пользовался безоговорочнымъ уваженіемъ Востока, и его права во Вселенской Церкви признавались и приводились въ дѣйствіе. Но его измѣна православію черезъ непосредственную поддержку германскихъ миссіонеровъ въ Болгаріи, благодаря которой «Filioque» стало проводиться не вопреки Риму, а подъ его покровительствомъ, вызвала немедленную реакцію. Такимъ образомъ, всѣ юрисдикціонно-каноническія привилегіи Рима были подчинены одному условію: исповѣданію имъ католической вѣры.

* * *

Опытъ прошлаго долженъ указать намъ путь въ будущемъ. Единство Востока и Запада невозможно внѣ общаго исповѣданія вѣры, за которое боролась Византійская Церковь, бывшая при этомъ готовой признать и соблюдать первенство Вѣтхаго Рима и допускать широкую терминологическую свободу въ области богословія. Въ вопросѣ объ исхожденіи, самымъ большимъ препятствіемъ, поэтому, являются постановленія соборовъ Лионскаго и Флорентійскаго, установившихъ въ качествѣ догмата не только одностороннюю терминологію, но формулу «sicut ab uno principio», предполагающую принятіе всей метафизики бл. Августина, несовмѣстимой съ ученіемъ греческихъ отцевъ.

И. Мейендорфъ.

ПРИМЪЧАНІЯ:

- 1) См. мою статью «La procession du St.-Esprit chez les Pères orientaux». — *Russie et Crétenté*, 1950, N° 3-4, pp. 164-165.
- 2) См. **Th. Camelot**: «La tradition latine sur la procession du St.-Esprit «a Filio» ou «ab utroque». *Ibid.*, pp. 179-192.
- 3) О мѣстѣ этихъ произведеній въ твореніяхъ бл. Августина см. **J. Chevalier**. «St.-Augustin et la pensée grecque». — «Les relations trinitaires». *Fr.-bourg-en-Suisse*, 1940, pp. 27-36.
- 4) См. упом. книгу **J. Chevalier** и отчеты о православно-католическихъ сѣздахъ, посвященныхъ вопросу о Filioque (*Eastern Churches Quarterly VII, Suppl. Issue*, 1948; *Russie et Chrétenté*, 1950, N° 3-4).
- 5) P. G. XCI, 136.
- 6) См. **Annales Laurissenses**, a. 756 — P. L. CIV, 377 BC. Хроника указываетъ, что въ это время иконоборческой императоръ Константинъ Копронимъ послалъ королю Пепину органъ, который въ послѣдствіи сталъ употребляться въ западной литургической музыкѣ.
- 7) **Jaffé** — **Wattenbach**, N°N° 2355, 2356, 2364.
- 8) P. L. CXXXIII, 125 A.
- 9) «Orta quaestione de Sancta Trinitate et de sanctorum imaginibus inter orientalem et occidentalem ecclesiam, id est Romanos et Graecos, rex Pippinus, conventu Gentiliaco villa congregato, synodum de ipsa quaestione habuit» — **Annales Eginhardi**, anno 767 (P. L. CIV, 385 A). — «Tunc habuit domnus Pippinus rex in supradicta villa (Gentiliaca) synodum: magnum inter Romanos et Graecos de sancta Trinitate vel de sanctorum imaginibus» **Annales Laurissenses**, anno 767 (P. L. CIV, 386 A).
- 10) См., напр., **I. Ketterer**: «Karl der Grosse und die Kirche», München, 1898; **F.-X. Arquillière**: «L'augustinisme politique», Paris 1934; **Fr. Dvornik**: «The making of Central and Eastern Europe», London, 1950. (Библиографія).
- 11) Praefatio, P. L. XCVII, 1002 A.
- 12) **Monumenta Germaniae Historica**, Epistolae, IV, p. 137.
- 13) См. знаменитый памятникъ византийской государственности, составленный, вѣроятно, Фотіемъ, извѣстный подъ названіемъ «Эпанагоги». Здѣсь царь и патріархъ называются «величайшими и нужнѣйшими частями государства» (изд. **Zachariae von Lingenthal** «Collectio librorum jur. gr. rom.», Lipsiae, 1852 — III, 8). Патріархъ является «живымъ образомъ Христа, изображающимъ Истину» (III, 1), и ему принадлежитъ защищать Православныхъ, приводить къ Церкви еретиковъ и схизматиковъ (III, 2).
- 14) Левъ писалъ папѣ Григорію II, — «Я — царь и священникъ» (**Mansi XII, 975, 979**). Въ «Еклогѣ» тотъ же императоръ прямо приписываетъ себѣ епископскую власть, перефразируя слова I Петр. V, 2: Христосъ «приказалъ намъ пасти вѣрнѣйшее стадо» (Вступленіе — ed. **Zachariae v. Lingenthal** — «Coll. libr. jur. gr. rom.», 10). Эти представленія нашли на Западѣ готовую почву, поскольку латинская церковь имѣла тенденцію присваивать франкскимъ королямъ, обращающимся въ христіанство, священническіе титулы, подобно языческимъ царямъ. Такъ, Орлеанскій соборъ 511 года величалъ Хлодвига священникомъ (M. G. H. — **Concilia I, p. 2, 196**). Венанцій Фортунатъ обращался къ Хильдеберту I, какъ къ «нашему Мелхиседеку, царю и священнику» (**Auct. Ant. IV, 40**). Подобные же взгляды высказывалъ Григорій Турскій (**Hist. Francorum IX, 21** — M. G. H. **Scriptores v. Merov. I, 379**).
- 15) **Doelger**, «Regesta», 345.
- 16) **Анастасій Библиотекаръ** въ предисловіи къ новому переводу, сдѣланному имъ при папѣ Іоаннѣ VIII (872-882) обвиняетъ переводчика въ незнаніи обонихъ языковъ. **Mansi XII, 981 CD; P. L. CXXXIX, 195 C**.
- 17) **Annales Nordhumbrani**, a. 792: «Carolus rex Francorum misit sinodalem librum ad Britanniam sibi a Constantinopoli directum, in quo libro, heu pro dolor, multa inconvenientia et vera fidei contraria reperientes. Contra quod scribit Albinus epistolam ex auctoritate divinarum scripturarum: mirabi-

liter principum nostrum regi Francorum attulit». — Mon. Germ. Hist., Scriptores XIII, p. 155. — Врядъ ли кто-либо другой въ окруженіи Карла обладалъ необходимой начитанностью, чтобы составить Капитулярій — см. Е. Amann: «L'Époque carolingienne». Hist. de l'É. — Flèche et Martin, XI, Paris 1947, p. 125. Мы не касаемся здѣсь вопроса о томъ, были ли посланы въ Римъ «Libri Carolini» въ теперешнемъ видѣ, или въ болѣе сокращенномъ. Лучшій послѣдователь этой проблемы Н. Bastgen склоняется къ первому смыслу (см. «Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde», Hannover u. Leipzig, t. XXXVII (1912), S. 475 и сл.), Hefele стоитъ за второй (фр. переводъ), Hefele — Lelercq — Histoire des Conciles — III, 2, Paris, 1910, pp. 1086-1088.

18) Mansi XII, 1122.

19) Libri Carolini III, 3 — P. L. XCVIII, 1117 C.

20) Таково, напр., исповѣданіе Θεодора Іерусалимскаго — Mansi XII, 1136.

21) Col. 1178 A.

22) Per Filium enim super apostolos in igne apparuit, per Filium hominibus datus est, quoniam ab omnibus Spiritus Sanctus accipi non nisi per Filium poteret — id. 1119 C.

23) ...quaerendum est utrum necesse sit eum per Filium a Patre et non potius ex Patre et Filio procedere profiteri, cum hujuscemodi professio neque in Nicaeno, neque in Chalcedonensi symbolo a sanctis partribus facta invenitur... Per Filium vero eum a Patre procedere profiteri, synodica confessione inusitatum est» — ibid.

24) ...his verbis hisque sententis fidelium confessio roboretur quae sanctae et universales synodi in symbolo taxaverunt» — col. 1121 B.

25) Col. 1122 A.

26) De Trinitate, I, V, c. XIII-XIV — P. L. XLII, 920-921.

27) M. G. H. Epistolae aevi Carolini III, p. 7.

28) Таковы тексты Афанасія Великаго (De Incarn. 9, 12 — P. G. XXVI, 997 B, 1003 C, De virgin. 1 — P. G. XXVIII, 251 A), Григорія Нисскаго (De Greg. P. G. XLVI, 911), Иларія Пиктавийскаго (De Trinitate VIII, 26-28 — P. L. X, 255-256), бл. Августина (Sermo 265, De ascensione, V, 9), Кирилла Александрийскаго (De recta fid. P. G. LXXXV, 1187), Льва Великаго (Ep. 28, Sermo 76 — P. L. LIV, 775 B, 406 BC).

29) Григорій Богословъ (Or. XXXIX, 12 — P. G. XXXVI, 348 AB), Григорій Великій (Moralia in Job, XXVII, 34 — P. L. LXXXVI, 418 D — 419 A).

30) бл. Августинъ (De Trinitate IV, c. 20, § 29; XV, c. 26, § 45-46), Григорій Великій (Hom. in Ev. II, P. L. LXXXVI, 1198 C), Кириллъ Алекс. (De ador. et cultu. P. G. LXVIII, 147).

31) Именно въ этомъ смыслѣ самъ Адрианъ перефразируетъ литургическія произведенія папы Григорія Великаго: «Sancta catholica et apostolica ecclesia ab ipso sancto Grigorio papa ordo missarum, solemnitatum, orationum suscipiens, pluras nobis edidit orationes, ubi Spiritum Sanctum per Dominum nostrum Jesum Christum infundi atque illustrari et confirmari nos suppliciter docuit» — p. 11.

32) Propter eos videlicet haereticos qui susurrant Sanctum Spiritum solius esse Patris et a solo procedere Patre additum est. «quod ex Patre Filioque procedit» — M. G. H., Concilia aevi Carolini, p. 182.

33) Онъ цитируетъ тексты Io. XV, 26 и XVI, 14.

34) Io. XIV, 9-10; XX, 22; XVI, 7; XIV, 26.

35) Ibid. p. 186.

36) Quicquid vobis placuerit vel displicuerit, aut si omnino nil dignum duxeritis, sacris nobis vestris jubete syllabis significantius propalare. — M. G. H. Epistolae IV, p. 519.

37) О путешествіяхъ монаховъ, см. Annales Egghardi, a. 807. — P. L. CIV, 468.

38) Письмо елеонскихъ монаховъ, — М. G. H. *Epistolae aevi Carolini*, V, 6466 (P. L. CXXXIX, 1257 sq.). Изъ него мы имѣемъ подробности объ Иерусалимскомъ инцидентѣ. Письмо патриарха Фомы не сохранилось: мы о немъ знаемъ только изъ письма Льва III Карлу.

39) P. L. CII, 1030-1032. Мы не имѣемъ ни греческаго перевода, ни ма-тѣйшаго свидѣтельства о реакціи Востока на это исповѣданіе. Въ виду того, что въ немъ наблюдается прямое утвержденіе исхожденія Св. Духа отъ Сына, чего никогда не было въ папскихъ письмахъ на Востокъ, всегда придерживавшихся древней восточной терминологіи, невольно напрашивается предположеніе, что исповѣданіе не было послано именно въ этомъ видѣ, хотя и вполне вѣроятно, что папа придерживался тѣхъ мнѣній, кот. выражены въ извѣстномъ намъ текстѣ.

40) M. G. H., *Epistolae aevi Carolini* V, 66-67 (P. L. CXXXIX, 1259 sq.).

41) P. L. CV, 239-276 — «De Spir'itu Sancto».

42) Многія цитаты взяты изъ неподлинныхъ книгъ «О Св. Троицѣ» и изъ символа псевдо-Афанасія.

43) Текстъ изъ Прокла попалъ въ эту серію явно благодаря неправильности перевода. Приводимъ эту неправильность, которая далеко не единственная въ цитируемыхъ Теодульфомъ переводахъ. Въ подлинникѣ Прокла стоятъ: *φύγομεν τὴν Μακεδονίου λύσσαν, χωρίζουσαν τῆς Θεότητος τὸ ἀχωρίστως ἐκπορευόμενον πνεῦμα* (P. G. LXV, 869 B). Въ цитируемомъ переводѣ мы имѣемъ «Fugamus Macedonii rabiem qui sequestrat ab essentia Deitatis Spiritum Sanctum inseparabiliter procedentem.» (col. 273 D). Словъ «ab essentia», нѣтъ въ подлинникѣ. Они то и толкуютъ текстъ въ томъ смыслѣ, что Духъ исходитъ отъ «эссенціи Божества» тѣмъ болѣе, что Теофульфъ понималъ «ab essentia Deitatis», какъ дополненіе къ «procedentem», а не къ «sequestrat», какъ это явствуетъ изъ подлинника.

44) Оно напечатано среди твореній и подъ именемъ Алкуина: «De processione Spiritus Sancti» — P. L. CI, 63-82.

45) Col. 65 A.

46) Это мѣсто содержится въ заключеніи первой главы: «Idem vero Spiritus Sanctus, qui unius ejusdemque est cum Patre et Filio substantiae, licet, ut secundum divinae scripturae auctoritate... monstravimus, propter unitatem ipsius cum Patre et Filio substantiae, et propter inseparabilem sanctae Trinitatis naturam, voluntatem, virtutem, operationem, Spiritus Dei Patris et Christi Spiritus appellatur, et ab utroque procedere dicitur in alio atque alio loco et missus» — col. 77 BC.

47) M. G. H., *Concilia aevi Carolini*, pp. 236-239 (P. L. XCVIII, 923-928).

48) Всѣ святоотеческія цитаты взяты изъ Теодульфа, кромѣ одной неизвѣстной цитаты изъ бл. Иеронима — см. ed. Wirminghoff (M.G.H.), p. 238, n. 5.

49) Вотъ эта замѣтка: «mense novembrio concilium habuit de processione Spiritus Sancti, quam quaestionem. Joannes quidam monachus Hierosolimis primo commovit; cujus definiende causa, Bernharius episcopus Wormacensis et Adalhardus abbas monasterij Corbeiae Romam ad Leonem papam missi sunt» — *Annales Eginhardi*, a. 809 — P. L. CIV, 472 B.

50) См. H. Peltier: «Smaragde» — *Dictionnaire de T. C.* XIV, 2 (1914), col. 2249. Изданіе этого протокола: P. L. CII, 971 sq. = *Mansi* XIV, 23 sq. = M. G. H., *Concilia aevi Carolini* pp. 239-244.

51) Вѣроятно, читалось просто письмо Карла, составленное Смарагдомъ.

52) Ed. Duchesne, II, p. 26; cf. p. 46, n. 110.

53) P. G. CII, 380 A.

54) См. L. Bréhier: «Les colonies d'orientaux en Occident» — *Byzant. Zeitschr.* XII (1903), pp. 4-39, и особенно Fr. Dvornik: «Les Légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance», Prague, 1933, p. 284 sq.

55) *Liber Pontificalis*, ed. Duchesne II, 54, 113.

56) *Mansi* XIII, col. 380, см. тоже *Liber Pontificalis* I, p. 292.

57) Известно, правда, письмо папы Гормизды (514-523) къ имп. Юстинну, гдѣ имѣется выраженіе: «Proprium Spiritus Sancti ut de Patre et Filio procederet sub una substantia .Dietatis» (P.L. LXXXIII, 514). Но какъ отомѣчаетъ и самъ издатель текста, рукопись въ этомъ мѣстѣ исправлена. Въ первоначальной редакціи стояло: «notum etiam quod sit proprium Spiritus Sancti, proprium autem Filii Dei».

58) Окружное посланіе патриарха Фотія — P. G. CII, 721 D.

59) *Annales Fuld.*, a. 852. M. G. H. Scriptores, I, 367.

60) *Annales Bert.*, a. 853. M. G. H. Scriptores, I, 448.

61) О посольствѣ Ростислава въ Константинополь см. **F. Dvornik**: «Les Legendes de Constantin et de Méthode», pp. 226-228; о переговорахъ Бориса съ Людовикомъ, того же автора: «Les Slaves, Byzance et Rome», Paris 1926, pp. 186-187, а также **S. Kunc man**: «A History of the first Bulgarian Empire». London, 1930, pp. 102-103. — Борисъ даже долженъ былъ лично повидаться съ Людовикомъ: «Hludovicus, rex Germaniae, hostiliter obviam Bulgarorum Cagano, qui christianus se fieri velle promiserat, perguit» (M. G. H., Scriptores, p. 465. — *Annales Bert.*, a. 864): — Нарѣчіе «hostiliter», здѣсь выражаетъ именно понятіе «прѣбыванія въ гостяхъ» (см. **Е. Е. Голубинскій**: «Краткіи очеркъ», София, 1927, I, ч. 2, стр. 16).

62) M. G. H., Epist. aevi Carolini, IV, 293 = P. L. CXXXIX, 875

63) Praef. ad Synodum VIII, P. L. CXXXIX, 18 D.

64) Таково мнѣніе **Голубинскаго**, цит. соч., стр. 239, прим. 31.

65) См. ссылки на источники и комментаріи у **Дворника**: «Les Slaves», p. 186 sq.

66) **В. Н. Златарскій** думаетъ, что бунтъ бояръ, произошедшій въ Болгаріи вскорѣ послѣ принятія Борисомъ крещенія и стремящійся, по имѣющимся источникамъ, возстановить язычество, былъ поддержанъ агентами Людовика (цит. соч., I, 2, стр. 54-55).

67) О двойномъ посольствѣ Болгарь, см. *Annales Bert.*, a. 866 — M. G. H., Scriptores, I, p. 474; о посольствѣ къ Людовику см. *Annales Fuld.*, a. 866 — *ibid.*, p. 379.

68) *Annales Bert.*, *ibid.*: «ab eo (Hludovico) missos, rex (Vulgarorum) cum debita veneratione suscepit».

69) *Annales Fuld.*, a. 867, *ibid.*, p. 380.

70) *Annales Bert.*, *ibid.*

71) **M. Jugie**: «Origine de la controverse sur l'addition du «Filioque» au Symbole» — *Revue des sciences philosophiques et théologiques*, t. XXVIII (1939), pp. 369-385. См. также, его-же «Le schisme byzantin», Paris, 1941. p. 126.

72) Съ чисто формальной точки зрѣнія, мнѣніе о Жюжи опровергнуто **V. Grumel**'емъ («Photius et l'addition du Filioque au symbole de Nicée-Constantinople» — *Etudes byzantines*, t. V (1947), pp. 218-224).

73) P. G. CII. 377. Существуетъ мнѣніе, что Фотій имѣетъ здѣсь въ виду папу Формоза, но это мнѣніе критики не выдерживаетъ (см. **V. Grumel**, «Formose ou Nicolas I-er?» — *Echos d'Orient* XXXII (1934), pp. 194 sq.).

74) См. позднѣйшія византійскія «исторіи раздѣленія церквей», одну изъ которыхъ издалъ **Hergenröther** — «*Monumenta graeca ad historiam Photii pertinentia*» — pp. 160-170.

75) «Этихъ богоборцевъ мы осудили соборнымъ и божественнымъ рѣшеніемъ» — P. G. CII, 732 D.

76) Col. 732 BC.

77) Col. 737.

78) По свидѣтельству Митрофана, на соборѣ 867 года Людовикъ былъ провозглашенъ «самодержцемъ» — *Mansi* XVI, 417.

79) **Fr. Dvornik**. «The Photian Schism. — History and Legend» — Cambridge, 1948, — французское изданіе. «Le schisme de Photius. — Histoire et Légende», ed. du Cerf, Paris, 1950.

80) *Mansi* XVII, col. 520 E.

- 81) *Myst.*, 89; P. G. CII, 380-381.
- 82) Ed. **Pastrnek**, pp. 217, 234; французский переводъ у Дворника, «*Les Légendes*», § I, XII.
- 83) M. G. H., Ep. VII, pp. 222 sq. Cf. **Dvornik** «*Le Légendes*», pp: 310-311:
- 84) M. G. H., Ep. VII, p. 353; *Vita Methodii*, ed. **Pastrnek**, p. 259.
- 85) P. L. CXXXIX, 560 D.
- 86) *Myst.*, 87. — P. G. CII, 377 A.
- 87) «*De officio missae*» — P. L. CXLII, 1060 D. 1062 A.
- 88) См. **F. Dvornik**: «*The Photian Schism*», pp. 309-330.